

U 42
—
1367

1
3
6
7

4/42
1367

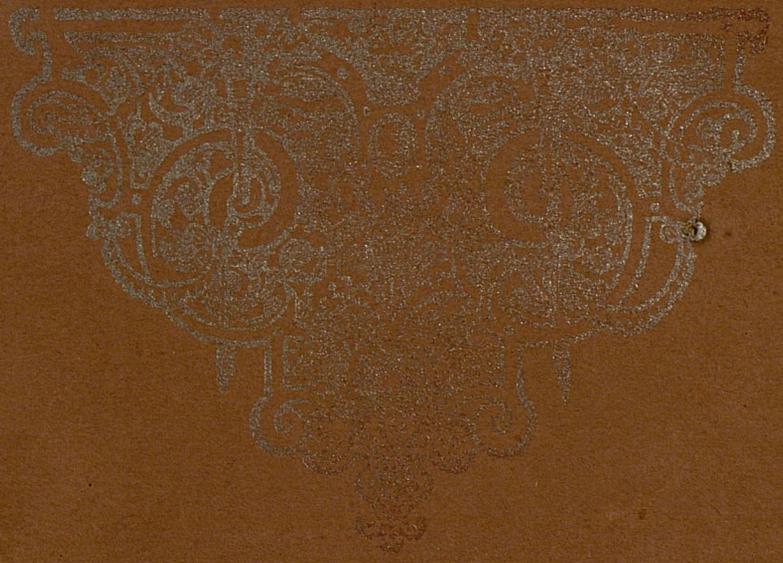
ф. 5

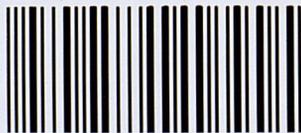
«САДКО»

БЫЛИНА
ГРАФА АЛЕКСѢЯ ТОЛСТОГО
съ МИНИАТЮРАМИ
М. П. СОЛОВЬЕВА.

1. 1

[Спб, 1905]

2007053852

Садкò.

идить у царя водяного Садкò
И съ думою смотрить печальной,
Какъ моря пучина надъ нимъ
высоко
Синѣтъ сквозь теремъ хрусталь-
ный:
Тамъ ходять, какъ тѣни, надъ
нимъ корабли,
Товарищи тамъ его ищутъ,
Тамъ берегъ остался цвѣтущей
земли,
Тамъ птицы порхаютъ и свищутъ;
А здѣсь на него любопытно гля-
дять
Бѣлуга, глазами моргая,
Иль мелкими искрами мимо бѣжить
Снетковъ серебристая стая.
Куда онъ ни взглянетъ — все синяя
гладь,
Все воду лишь видитъ да воду,

И пѣсни усталъ онъ на гусяхъ играть
Царю водяному въ угоду.

А царь, улыбаясь, ему говоритъ:
Садкò, мое милое чадо!

Повѣдай: зачѣмъ такъ печалень твой видъ? ⁴³
Скажи мнѣ: чего тебѣ надо?

Кутья ли съ шафраномъ моя невкусна,
Блины съ инбиремъ не жирны ли?

Аль въ чемъ непривѣтна царица-жена?
Аль дочери чѣмъ досадили?

Смотри: какъ алмазы здѣсь ярко горять!
Какъ много здѣсь яхонтовъ алыхъ!

Сокровищъ ты столько нашель бы наврядъ
Въ хваленыхъ софійскихъ подвалахъ.

ы, гой-еси, царь-государь водяной,
Морское пресвѣтлое чудо!
Я много доволенъ твоею женою
И мнѣ отъ царевенъ не худо;
Вкусны и кутья, и блины съ инби-
ремъ,
Одно, государь, мнѣ обидно:
Куда ни посмотришь — все мокро
кругомъ,
Сухого мѣстечка не видно!
Что пользы мнѣ въ томъ, что
сокровищъ полны
Подводныя эти хоромы:
Увидѣть бы мнѣ хоть-бы зелень
сосны,
Прилечь хоть на ворохъ соломы!
Богатствомъ своимъ ты меня не
держи:

Всѣ роскоши эти и нѣги

Я-бъ отдалъ за крикъ перепелки во ржи,
За скрипъ новгородской телѣги!
Давно такъ не видно мнѣ божьяго дня,
Мнѣ запаху здѣсь — только тина;
Хоть дегтемъ повѣяло-бъ разъ на меня,
Хоть дымомъ курного овина!
Когда же я вспомню, что этой порой
Весна на землѣ расцвѣтаетъ,
И самъ ужъ не знаю, что станетъ со мной:
За сердце вотъ такъ и хватаетъ!
Теперь у насъ пляски въ лѣсу молодомъ,
Забыты и стужа, и слякоть —
Когда я подумаю только о томъ:
Отъ грусти мнѣ хочется плакать!
Теперь, чай, и птица, и всякая звѣрь
У насъ на землѣ веселится;

Сквозь листь прошлогодній пробившись теперь,
 Синѣеть въ лѣсу медуница!
 Во свѣжемъ, въ зеленомъ, въ лѣсу молодомъ
 Березой душистою пахнетъ —
 И сердце во мнѣ — лишъ помыслию о томъ —
 Съ тоски изнываетъ и чахнетъ.

АДКÒ, мое чадо! городишь ты
 вздоръ:
 Земля нестерпима отъ зною;
 Я въ этомъ сошлюся на цѣлый
 мой дворъ —
 Всегда онъ согласенъ со мною.
 Мой теремъ есть моря великаго
 пупъ,
 Твой жеребій, стало быть, свѣ-
 тель,
 А ты непонятливъ, несвѣдущъ и
 глупъ,
 Я это давно ужъ замѣтилъ.
 Ты въ думѣ пригоденъ моей засѣдать,
 Твою возвеличу я долю:

И санъ водяного совѣтника дать
 Тебѣ непремѣнно изволю.
 Ты, гой-еси, царь-государь водяной,
 Премного тебѣ я обязанъ,
 Но почести я не достоинъ морской:
 Ужъ очень къ землѣ я привязанъ!
 Бывало, не все тамъ норовилось мнѣ,
 Не-по-сердцу было иное;
 Съ тѣхъ поръ же, какъ я очутился на днѣ,
 Мнѣ все стало мило земное.
 Припомнился песь мнѣ, и грязенъ, и хиль,
 Въ репьяхъ и въ сору извалялся;
 На пиръ я въ ту пору, на званый, спѣшилъ,
 А онъ мнѣ подъ ноги попался;
 Брезгливо взглянувъ, я его отогналъ,

Ногой оттолкнулъ его гордо —
Вотъ этого пса я-бъ теперь цѣловаль
И въ темя, и въ очи, и въ морду!

АДКÒ, мое чадо! на кую ты стать
О псѣ вспоминаешь сегодня?
Зачѣмъ тебѣ грязнаго пса цѣловать?
На то мои дочки пригоднѣй.
Воистину, чѣмъ бы ты имъ не же-
нихъ?

Я вижу, хоть въ усъ и не дую,
Пошла за тебя бы любая изъ нихъ —
Бери-жъ себѣ въ жены люблюю!
Ты, гой-еси, царь-государь водяной,
Морское пресвѣтлое чудо!

Боюся: отъ брака съ такою женой
Не вышло-бъ душѣ моей худо!
Не спорю: онѣ у тебя хороши,
И цвѣтъ ихъ очей изумрудный,
Но только колючи онѣ, какъ
ерши,

Намъ было-бъ сожителство трудно.
Я тѣмъ не порочу твоихъ дочерей,

Но я бы не то что люблюю,
А всѣхъ ихъ сейчасъ промѣнялъ бы, ей-ей,
На первую дѣвку рябую! —
— Садкò, мое чадо, ужъ очень ты грубъ,
Не нравится рѣчь мнѣ такая;
Когда бы твою не цѣнилъ я игру-бъ,
Ногой тебѣ далъ бы пинка я.
Но печени какъ-то сегодня свѣжо,
Веселье въ утробѣ я чую;
О свадьбѣ твоей потолкуемъ ужо,
Теперь же сыграй плясовую.

Ударилъ Садкó по струнамъ трепака,
Самъ къ чорту шлетъ царскую ласку,
А царь, ухмыляясь, уперся въ бока,
Готовится, дрыгая, въ пляску.
Сперва лишь на мѣстѣ поводитъ усомъ,
Щетинистой бровью киваетъ,
Но вотъ — запыхтѣлъ и надулся, какъ сомъ:
Все болѣ его разбираетъ.
Похаживать началъ, плечьми шевеля,
Подпрыгивать мимо царицы,
Да вдругъ какъ пойдетъ выводить вензеля,
Такъ всѣ затряслись половицы.

У, мыслить Садкò, я тебя заморю!
Съ досады быстрѣй онъ играетъ,
Но какъ ни частить, водяному царю
Все болѣе силъ прибываетъ.
Пустился на вывертъ пятами мѣситъ,
Закидывать ногу за ногу,
Откуда взялася, подумаешь, прыть?
Глядѣть, инда страшно, ей-Богу!
Бояре въ испугѣ ползутъ окорачъ,
Царица присѣла ажъ на-поль
Пищать-инъ царевны, а царь себѣ
вскачь

Знай чешетъ ногами оба поль.

То, выпята грудь, на придворныхъ онъ претъ,
То, скорчившись, пятится бокомъ,
Ломаетъ колѣнца и взадъ, и впередъ,
Валяетъ загребомъ и скокомъ.
И все веселѣй и привольнѣй ему,
Колѣнца выходятъ все круче —
Темнѣе становится все въ терему,
Надъ моремъ собираются тучи...
Но шибче играетъ Садкò, осерча,
Сжавъ зубы и брови нахмуря,
Онъ злится, онъ дергаетъ струны сплеча,
Вверху подымается буря...
Вотъ дальними грянулъ раскатами громъ,
Сверкнуло въ пучинномъ просторѣ,
И огненнымъ свѣтомъ зардѣла кругомъ
Глубокая празелень моря.
Вотъ крики слышались тамъ высоко:
То гибнутъ пловцы съ кораблями...
Отчаяннѣй бьетъ пятернями Садкò,

Царь бѣшенѣй мѣситъ ногами;
 Въ присядку понесъ его чортъ ходуномъ,
 Онъ фыркаетъ, пышетъ и дуетъ,
 Гремитъ плясовая, колеблется домъ,
 И море реветъ и бушуетъ...
 И вотъ пузыри отъ подстѣжня пошли,
 Садкѣ уже видить сквозь стѣны:
 Разбитые ко-дну летятъ корабли,
 Крутятся средь ила и пѣны.

Нѣ видить: морякъ не одинъ пото-
 нуль,
 Въ немъ сердце исполнилось жали,
 Онъ сильною хваткой за струны
 рвануль
 — И, лопнувъ, онѣ завизжали.
 Споткнувшись, на мѣстѣ сталь царь
 водяной,
 Ногою подъятой болтая,
 „Никакъ подшутить ты, Садкѣ, надо
 мной?
 Противна мнѣ шутка такая!
 Не въ пору, невѣжа, ты струны
 порваль,
 Какъ разъ, когда я расплясался!
 Такого колѣна никто не видалъ,
 Какое я дать собирался!
 Зачѣмъ здоровѣе ты струнъ не
 припасъ?
 Какъ буду теперь безъ музыки?

Аль ты, неумытый, плясать въ сухоплясь
 Велишь мнѣ, царю и владыкѣ?“
 И плесомъ чешуйнымъ въ потылицу царь
 Хватиль его, ярости полный,
 И вотъ завертѣлся Садкѣ, какъ кубарь,
 И вверхъ понесли его волны...

Сидитъ въ Новѣградѣ Садкѣ невредимъ,
 Съ нимъ вящѣ всѣ уличане;
 На скатерти браной шипитъ передъ нимъ
 Вино въ венецейскомъ стаканѣ.
 Степенный посадникъ и тысяцкій тутъ,
 И старыхъ посадниковъ двое,
 И съ ними кончанскіе старосты пьютъ
 Здравье Садкѣ круговое.
 — Повѣдай, Садкѣ, уходилъ ты куда?
 На чудскую Емь, аль на Балты?
 Гдѣ бросилъ свои расшивныя суда?
 И безъ вѣсти гдѣ пропадалъ ты?
 Поетъ и на гусяхъ играетъ Садкѣ,
 Поетъ про царя водяного;
 Какъ было тамъ жить у него нелегко,
 И какъ ужъ онъ пляшетъ здорово;
 Поетъ про походъ, безъ утайки, про свой,
 Какая чему была чередъ —
 Качають въ сомнѣннй всѣ головой,
 Не могутъ разказу повѣрить.

ЦѢНА 1 РУБЛЬ.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, СТАРОРУССКАЯ, 3.

2007053852